

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-2-432-444

EDN: JBGQKA

УДК 303+327

Научная статья / Research article

Официальный дискурс как фрейм медиарепрезентации: эволюция нарративов о российско-китайском партнерстве

К.Е. Кожухова¹, Е.Л. Проскурнова^{1,2}

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
kira.kozhuhova@mail.ru

Аннотация. Российско-китайские отношения, достигшие уровня всеобъемлющего стратегического партнерства, представляют собой не только дипломатический феномен, но и значимый объект политической коммуникации. В исследованиях медиарепрезентации двустороннего сотрудничества часто упускается из виду доктринальный слой, выступающий первичным источником смысловых установок для национальных СМИ. Цель – проследить эволюцию взаимных оценок в ключевых геостратегических документах Российской Федерации и Китайской Народной Республики (2000–2025), выявить устойчивые нарративные маркеры, которые в теории медиакоммуникаций рассматриваются как базовые фреймы для конструирования медиаобразов соседней державы. Методологическую основу составляет качественный контент- и дискурс-анализ десяти официальных текстов. Результаты демонстрируют поступательный сдвиг от прагматично-сдержанных формулировок к декларации всеобъемлющего партнерства и «образцовых» отношений. Выявленные нарративные матрицы фиксируют нормативную основу государственной коммуникации, которая задает лексику, статусные маркеры и оценочные конструкции, потенциально определяющие тональность и тематические рамки последующей медиарепрезентации. Работа создает эмпирический фундамент для понимания того, как официальные доктрины формируют границы медиаповестки.

Ключевые слова: доктринальные документы, стратегические нарративы, документальный фрейминг, образ России, образ Китая, российско-китайские отношения, концепция внешней политики, Белая книга

Вклад авторов. Разработка концепции, сбор материалов, анализ данных, написание статьи – К.Е. Кожухова; критический анализ литературы, уточнение теоретических рамок, редактирование – Е.Л. Проскурнова. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

© Кожухова К.Е., Проскурнова Е.Л., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО МГЛУ (тема № FSFU-2026-0001).

История статьи: поступила в редакцию 1 марта 2026 г.; отрецензирована 28 марта 2026 г.; принята к публикации 14 апреля 2026 г.

Для цитирования: Кожухова К.Е., Проскурнова Е.Л. Официальный дискурс как фрейм медиарепрезентации: эволюция нарративов о российско-китайском партнерстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 2. С. 432–444. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-2-432-444> EDN: JBGQKA

Official Discourse as a Media Frame: The Evolution of Strategic Narratives in Sino-Russian Relations

Kira E. Kozhukhova¹, Evgeniya L. Proskurnova^{1, 2}

¹*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation*

²*HSE University, Moscow, Russian Federation*

✉ kira.kozhukhova@mail.ru

Abstract. Sino-Russian relations, having reached the level of a comprehensive strategic partnership, represent not only a diplomatic phenomenon but also a significant object of political communication. Studies on the media representation of bilateral cooperation often overlook the doctrinal layer, which serves as the primary source of semantic guidelines for national media. This study aims to trace the evolution of mutual assessments in key geostrategic documents of the Russian Federation and the PRC (2000–2025) and to identify stable narrative markers that communication theories treat as foundational frames for constructing media images of a neighboring state. The methodological framework comprises qualitative content and discourse analysis of ten official texts. The results demonstrate a gradual shift from pragmatically restrained formulations to the declaration of comprehensive partnership and “exemplary” relations. The identified narrative matrices establish the normative basis of state communication, defining the lexicon, status markers, and evaluative constructs that potentially shape the tone and thematic scope of subsequent media representation. The study provides an empirical foundation for understanding how official doctrines set the boundaries of media agendas.

Keywords: doctrinal documents, strategic narratives, documentary framing, image of Russia, image of China, Russian-Chinese relations, Foreign Policy Concept, White Paper

Author contributions. Conceptualization, data collection, data analysis, & writing – Kira E. Kozhukhova; critical analysis of literature, refinement of theoretical framework, & editing – Evgeniya L. Proskurnova. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was conducted within the framework of a state assignment to Moscow State Linguistic University (subject No. FSFU-2026-0001).

Article history: submitted March 1, 2026; revised March 28, 2026; accepted April 14, 2026.

For citation: Kozhukhova, K.E., & Proskurnova, E.L. (2026). Official Discourse as a Media Frame: The Evolution of Strategic Narratives in Sino-Russian Relations. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(2), 432–444. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-2-432-444> EDN: JBGQKA

Введение

Российско-китайские отношения за последние десятилетия претерпели качественную трансформацию, обусловленную постепенным сближением и наращиванием взаимодействия в условиях меняющейся архитектуры мирового порядка. Отправной точкой данного процесса стало подписание Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в 2001 г., заложившее основу для устойчивой позитивной оценки и интенсификации двустороннего обмена. Геополитические сдвиги после 2014 г., включая поворот России на Восток, стимулировали активизацию сотрудничества с КНР как с ключевым региональным партнером, готовым к открытому диалогу и укреплению взаимопонимания. В условиях структурных изменений в международных отношениях и санкционного давления на обе страны российско-китайское взаимодействие приобрело статус стратегического партнерства, отражающего высшую степень дипломатического и стратегического согласования.

Указанная эволюция нашла отражение в политическом дискурсе обеих стран, трансформируя способы взаимного позиционирования. Данную динамику фиксируют исследования медиарепрезентации двусторонних отношений (Ли, 2024; Линь, 2025; Хабаров и др., 2022; Чэнь, Волкова, 2025). Однако анализ научной литературы выявляет дефицит работ, фокусирующихся на официальном декларативном дискурсе как первичном источнике смысловых установок. В теории медиакommunikаций именно доктринальные документы рассматриваются как нормативная основа для медиатизации образа партнера, выступая индикатором состояния межгосударственных отношений и задавая концептуальные рамки для последующей журналистской интерпретации.

Исследовательский интерес авторов сосредоточен на эволюции взаимных оценок в ключевых геостратегических документах РФ и КНР за период 2000–2025 гг. – концепциях внешней политики России и белых книгах КНР по вопросам национальной обороны. Эти тексты функционируют не только как инструменты внешней политики, но и как декларативные ориентиры для глобального медиаполя, формирующие базовые нарративные матрицы международной политической коммуникации.

В современной политической коммуникации официальные доктринальные документы рассматриваются как первичный слой государственного послания, формирующий стратегические нарративы, которые впоследствии транслируются национальными медиасистемами. Наше исследование фокусируется на этом доктринальном уровне, рассматривая его не как фактор прямого детерминизма, а как нормативную рамку, создающую предпосылки для конструирования медиаобразов. Взаимные ожидания и символическое позиционирование в официальном дискурсе действительно играют ключевую роль в формировании повестки двустороннего сотрудничества (Priupolina, 2025).

Цель – зафиксировать эволюцию стратегических нарративов в официальных доктринах РФ и КНР (2000–2025), выявить устойчивые смысловые маркеры, выступающие базовыми фреймами для потенциальной медийной репрезентации. Задачи исследования: реконструировать хронологию взаимных оценок в доктринальных текстах; выделить ключевые лексико-семантические маркеры, отражающие сдвиги в статусе партнерства; интерпретировать выявленные формулировки в парадигме стратегического фрейминга, обозначив их потенциал для последующей медиатрансляции.

Материалы и методы

Для достижения заявленной цели использовался качественный контент- и дискурс-анализ официальных документов доктринального геополитического значения, опубликованных на правовых и ведомственных ресурсах Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Выбор данных источников обусловлен их статусом первичного слоя государственной коммуникации: в соответствии с гипотезой индексации (Bennett, 1990) и теорией стратегических нарративов (Miskimmon et al., 2013). Именно доктринальные тексты задают нормативные смысловые рамки, которые в теории медиакоммуникаций рассматриваются как базовые фреймы для последующей журналистской интерпретации. Аналитический подход к интерпретации официальных нарративов опирается на методологическую базу, разработанную автором в исследовании стратегической культуры КНР (Кожухова, 2022).

Эмпирическую основу составили концепции внешней политики Российской Федерации (2000, 2008, 2013, 2016, 2023) и белые книги КНР по вопросам национальной обороны и безопасности (2000, 2008, 2011, 2015, 2025). Хронологический охват (2000–2025) позволяет проследить эволюцию взаимных оценок на протяжении более чем двух десятилетий – от этапа начального партнерства до декларации всеобъемлющего стратегического взаимодействия. Параллельность дат публикации документов в обеих странах обеспечивает корректность сопоставительного анализа и валидность выводов о динамике официального дискурса.

Аналитическая процедура включала два взаимодополняющих этапа:

1) качественный контент-анализ для фиксации частотности, контекстуальной эволюции и семантических сдвигов ключевых понятий («стратегическое партнерство», «взаимное доверие», «образец отношений», «всеобъемлющее взаимодействие») – единицей анализа выступало смысловое высказывание, содержащее оценку двусторонних отношений или статусных характеристик партнера;

2) дискурс-анализ (в парадигме Critical Discourse Analysis) для выявления оценочных стратегий, риторических приемов легитимации сотрудничества и нарративных матриц, конструирующих образ соседней державы.

Следует отметить методологическое ограничение, связанное с тем, что исследование фокусируется исключительно на официальном уровне государственной коммуникации. Анализ фактической медиарепрезентации является следующим этапом, что соответствует подходу, принятому в исследованиях

стратегических нарративов и теории фрейминга, где официальные документы рассматриваются как первичный источник смысловых установок, а не как прямой ограничитель медийного контента. Таким образом, работа реконструирует нормативную основу, создающую предпосылки для последующей медиатрансляции, но не измеряет ее эмпирическое влияние на национальные СМИ.

Результаты и обсуждение

Построение всеобъемлющего стратегического партнерства не являлось изначальной императивной целью в российско-китайских отношениях, а формировалось эволюционно, по мере успешной демаркации границ (Гао, Цзя, 2010) и развития институционального взаимодействия в рамках ШОС и БРИКС (Козина, 2025).

Официальная позиция КНР исторически продиктована принципом избегания формальных союзнических обязательств, что на протяжении десятилетий реализуется через политику неприсоединения и невмешательства во внутренние дела. В этом контексте примечательно упоминание России в Белой книге «Национальная оборона Китая» (2000), опубликованной за год до подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Документ фокусируется на проблеме демаркации границ и содержит сдержанные оценки России как ядерной державы, сопоставимой с США. Тем не менее подчеркивается важность двустороннего военного сотрудничества. В Концепции внешней политики РФ (2000) наблюдается схожая прагматичная сдержанность: Китай и Индия представлены как приоритетные направления азиатской политики, при этом акцент сделан на экономическом и политическом партнерстве, а военная компонента не выделяется как доминирующая.

Подписание Договора (2001), завершение демаркации и институционализация сотрудничества в рамках ШОС создали условия для нормализации дискурса. В Белой книге КНР (2008) Россия упоминается преимущественно в контексте совместных инициатив на Женевской конференции по разоружению. Однако уже в документе 2010 г. Российская Федерация получает статус стратегического партнера, при этом в описании военного сотрудничества сочетаются категории «взаимное доверие» и «прагматизм», что отражает дуальность китайской стратегической культуры. Как отмечают наблюдатели даже в условиях официального партнерства общественный дискурс КНР может сохранять внутреннюю противоречивость, сочетая прагматизм и настороженность, что подчеркивает различие между доктринальным уровнем и уровнем публичной коммуникации¹.

Российская сторона в Концепции 2008 г. фиксирует Китай как стратегического партнера на основе совпадения подходов к ключевым вопросам миро-

¹ *Höbepappel U.* The Yin and Yang of Russia's Image in China: Netizen Discourse and Real-Life Implications // International Centre for Defence and Security (ICDS). Available from: <https://icds.ee/en/the-yin-and-yang-of-russias-image-in-china-netizen-discourse-and-real-life-implications/> (accessed: 05.01.2026).

вой политики, что знаменует начало «поворота на Восток». В документе 2013 г. эта линия усиливается: акцент смещается на многосторонние форматы (БРИКС, ШОС, «Группа двадцати») как инструменты углубления доверия.

События 2014 г. и последующая активизация российско-китайского взаимодействия нашли отражение в Белой книге «Военная стратегия Китая» (2015), где партнерство приобретает статус *всеобъемлющего*, а военное сотрудничество декларируется как приоритетное направление. В Концепции внешней политики РФ (2016) отношения с КНР характеризуются как «всеобъемлющее, равноправное, доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие» – формулировка, ранее не использовавшаяся в российских доктринальных текстах. Отношения с Китаем позиционируются как основа региональной и глобальной безопасности, что свидетельствует о высоком уровне нормативного доверия.

Концепция 2023 г. развивает эту линию, акцентируя необходимость координации в интересах стабильности и устойчивого развития. Наиболее актуальный документ – Белая книга КНР «Национальная безопасность Китая в новую эпоху» (2025) – фиксирует достижение «полного взаимопонимания», основанного на регулярных контактах и противодействии внешнему давлению, характеризует двусторонние отношения как «образец дружественных обменов между крупными соседними странами» (Галимзянова, 2025).

Представленная эволюция демонстрирует поступательный сдвиг от прагматично-сдержанных формулировок к декларации нормативно-ценностного единства. Выявленные нарративные матрицы («стратегическое партнерство», «взаимное доверие», «образец отношений») функционируют как готовые смысловые блоки, которые в теории медиакоммуникаций рассматриваются как базовые фреймы для последующей журналистской интерпретации. Подобные доктринальные формулировки задают смысловые границы, внутри которых функционирует редакционная политика государственных и лояльных СМИ.

Таким образом, усиление оценочной лексики в российских Концепциях (2016–2023) и появление в Белой книге КНР (2025) характеристики «образец дружественных обменов» создают *нормативную рамку*, потенциально определяющую тональность и тематические акценты последующей медиарепрезентации. Эволюция взаимных оценок в доктринальных документах проиллюстрирована в табл. 1 и 2.

Представленные в табл. 1 и 2 формулировки функционируют не как описательные констатации, а как нормативные нарративные матрицы. В парадигме государственной коммуникации подобные документы задают лексику, статусные маркеры и оценочные конструкции, которые в теории медиафрейминга рассматриваются как первичные смысловые рамки для последующей журналистской интерпретации (Bennett, 1990; Entman, 1993). Например, переход от «стратегического партнерства» к характеристике «образец дружественных обменов между крупными соседними странами» в Белой книге 2025 г. формирует готовый медиафрейм, задающий редакционным политикам государственных и лояльных СМИ ориентир на поддержание позитивной

тональности и акцент на взаимодополняемости. Таким образом, выявленные сдвиги в доктринальном дискурсе следует рассматривать как предпосылку, а не как следствие медиарепрезентации.

Таблица 1. Оценка России в белых книгах КНР

Год	Документ	Позиция по отношению к России
2000	Национальная оборона Китая в 2000 г.	Китай пересмотрел свои границы с Лаосом и Россией <...> Активно ведутся обмены на высоком уровне между китайскими и российскими вооруженными силами, двусторонние военные отношения развиваются бесперебойно. <...> Обе стороны будут осуществлять сотрудничество в области охраны границы для создания мирной, спокойной и дружественной обстановки на китайско-российской границе. <...> Учитывая активное развитие и развертывание Соединенными Штатами противоракетного и космического оружия, а также тот факт, что как США, так и Россия по-прежнему обладают огромными ядерными арсеналами, достаточными для многократного уничтожения мира, дальнейшее ядерное разоружение и предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве должны быть более приоритетными вопросами многостороннего контроля над вооружениями ²
2009	Национальная оборона Китая в 2008 г.	В феврале 2008 г. Китай и Россия совместно представили на Женевскую конференцию по разоружению проект договора «О предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения или угрозы применения силы против объектов космического пространства», надеясь как можно скорее провести содержательные дискуссии по проекту и заключить договор в кратчайшие сроки ³
2011	Национальная оборона Китая в 2010 г.	Стратегическое партнерство между Китаем и Россией развивалось всесторонне и глубоко. <...> Стратегическое взаимное доверие и прагматическое сотрудничество между китайскими и российскими вооруженными силами постоянно углубляются ⁴
2015	Военная стратегия Китая	Мы будем углублять обмены и сотрудничество между китайскими и российскими вооруженными силами в рамках их всеобъемлющего стратегического партнерства, постепенно создавая всеобъемлющий, диверсифицированный и устойчивый механизм содействия развитию военных отношений в более широком масштабе и на более глубоком уровне ⁵
2025	Национальная безопасность Китая в новую эпоху	Всеобъемлющее стратегическое партнерство в новой эре между Китаем и Россией постоянно углубляется, создавая образец дружественных обменов между крупными соседними странами. Китайско-российские отношения обладают мощным внутренним импульсом и уникальной стратегической ценностью, построены на принципах неприсоединения, неконфронтации и ненападения на какие-либо третьи стороны, а также не подвержены влиянию каких-либо третьих сторон, внешнего вмешательства или принуждения ⁶

Источник: составлено К.Е. Кожуховой.

² 《2000年中国的国防》[Национальная оборона Китая в 2000 г.] // 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Информационное бюро государственного совета Китайской Народной Республики]. 2000. 16 октября. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2000n/202207/t20220704_129887.html (дата обращения: 05.01.2026).

³ 《2008年中国的国防》[Национальная оборона Китая в 2008 г.] // 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Информационное бюро государственного совета Китайской Народной Республики]. 2009. 20 января. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2009n/202207/t20220704_129849.html (дата обращения: 05.01.2026).

⁴ 《2010年中国的国防》[Национальная оборона Китая в 2010 г.] // 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Информационное бюро государственного совета Китайской Народной Республики]. 2011. 31 марта. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2011n/202207/t20220704_130060_9.html (дата обращения: 05.01.2026).

⁵ 《中国的军事战略》白皮书（全文）[Белая книга «Военная стратегия Китая» (полный текст)] // 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Информационное бюро государственного совета Китайской Народной Республики]. 2015. 26 мая. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2015n/202207/t20220704_130108.html (дата обращения: 05.01.2026).

⁶ 新时代的中国国家安全 [Национальная безопасность Китая в новую эпоху] // 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Информационное бюро государственного совета Китайской Народной Республики]. 2025. 12 мая. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202505/t20250512_894771.html (дата обращения: 05.01.2026).

Table 1. Assessment of Russia in the PRC’s White Papers

Year	Document	Position towards Russia
2000	China’s National Defense in 2000	China has redefined its borders with Laos and Russia [...] High-level exchanges between the Chinese and Russian armed forces are actively underway, and bilateral military relations are developing smoothly. [...] both sides will cooperate in the field of border protection to create a peaceful, calm and friendly environment on the Sino-Russian border [...] Given the active development and deployment of anti-missile and space weapons by the United States, as well as the fact that both the United States and Russia still possess huge nuclear arsenals, sufficient for the repeated destruction of the world, further nuclear disarmament and the prevention of an arms race in outer space should be more priority issues of multilateral arms control ⁷
2009	China’s National Defense in 2008	In February 2008, China and Russia jointly submitted to the Geneva Disarmament Conference a draft treaty on the prevention of the deployment of weapons in outer space, the use or threat of use of force against outer space objects, hoping to hold meaningful discussions on the draft as soon as possible and conclude the treaty as soon as possible ⁸
2011	China’s National Defense in 2010	The strategic partnership between China and Russia has developed comprehensively and deeply. [...] The strategic mutual trust and pragmatic cooperation between the Chinese and Russian armed forces are constantly deepening ⁹
2015	China’s Military Strategy	We will deepen exchanges and cooperation between the Chinese and Russian armed forces within the framework of their comprehensive strategic partnership, gradually creating a comprehensive, diversified and sustainable mechanism to promote the development of military relations on a broader scale and at a deeper level ¹⁰
2025	China’s National Security in a New Era	The comprehensive strategic partnership between China and Russia in the new era is constantly deepening, creating a model of friendly exchanges between major neighboring countries. Sino-Russian relations have a powerful internal momentum and unique strategic value, built on the principles of non-alignment, non-confrontation and non-aggression against any third parties, and are not influenced by any third parties, external interference or coercion ¹¹

Source: compiled by Kira E. Kozhukhova.

Таблица 2. Оценка Китая в концепциях внешней политики России

Год	Позиция по отношению к Китаю
2000	Одним из важнейших направлений российской внешней политики в Азии является развитие дружественных отношений с ведущими азиатскими государствами, в первую очередь с Китаем и Индией. Совпадение принципиальных подходов России и КНР к ключевым вопросам мировой политики – одна из базовых опор региональной и глобальной стабильности. Россия стремится к развитию взаимовыгодного сотрудничества с Китаем по всем направлениям. Главной задачей остается приведение масштабов экономического взаимодействия в соответствие с уровнем политических отношений ¹²

⁷ The State Council Information Office of the People’s Republic of China. (2000, October 16). *China’s National Defense in 2000*. (In Chin.) http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2000n/202207/t20220704_129887.html

⁸ The State Council Information Office of the People’s Republic of China. (2009, January 20). *China’s National Defense in 2008*. (In Chin.) http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2009n/202207/t20220704_129849.html

⁹ The State Council Information Office of the People’s Republic of China. (2011, March 3). *China’s National Defense in 2010*. (In Chin.) http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2011n/202207/t20220704_130060_9.html

¹⁰ The State Council Information Office of the People’s Republic of China. (2015, May 26). *China’s Military Strategy*. (In Chin.) http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2015n/202207/t20220704_130108.html

¹¹ The State Council Information Office of the People’s Republic of China. (2025, May 12). *China’s National Security in a New Era*. (In Chin.) http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202505/t20250512_894771.html

¹² Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 28.06.2000 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 05.01.2026).

Окончание табл. 2

Год	Позиция по отношению к Китаю
2008	Россия будет наращивать российско-китайское стратегическое партнерство во всех областях на основе совпадения принципиальных подходов к ключевым вопросам мировой политики в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности. Главной задачей в области двусторонних связей является приведение объема и качества экономического взаимодействия в соответствие с высоким уровнем политических отношений. <...> Россия разделяет заинтересованность Китая и Индии в налаживании эффективного внешнеполитического и экономического взаимодействия в трехстороннем формате Россия – Индия – Китай ¹³
2013	Россия будет продолжать наращивать всеобъемлющее равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие с Китаем, активно развивать сотрудничество во всех областях. Совпадение принципиальных подходов двух стран к ключевым вопросам мировой политики рассматривается Россией в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности. На этой основе Россия будет развивать внешнеполитическое взаимодействие с Китаем на различных направлениях, включая поиск ответов на новые вызовы и угрозы, решение острых региональных и глобальных проблем, сотрудничество в Совете Безопасности ООН, «Группе двадцати», БРИКС, Восточноазиатском саммите, ШОС и других многосторонних объединениях ¹⁴
2016	Россия продолжит наращивать всеобъемлющее, равноправное, доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие с Китайской Народной Республикой, активно развивать сотрудничество с ней во всех областях. Совпадение принципиальных подходов двух государств к решению ключевых вопросов мировой политики рассматривается Россией в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности. На этой основе Россия будет развивать внешнеполитическое взаимодействие с Китаем на различных направлениях, включая противодействие новым вызовам и угрозам, решение острых региональных и глобальных проблем, сотрудничество в международных организациях и многосторонних объединениях ¹⁵
2023	Россия нацелена на дальнейшее упрочение отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия с Китайской Народной Республикой и уделяет приоритетное внимание развитию обоюдовыгодного сотрудничества во всех сферах, оказанию взаимопомощи и укреплению координации на международной арене в интересах обеспечения безопасности, стабильности, устойчивого развития на глобальном и региональном уровнях как в Евразии, так и в других частях мира ¹⁶

Источник: составлено К.Е. Кожуховой.

Table 2. China's assessment of Russia's foreign policy concepts

Year	Position towards China
2000	One of the most important directions of Russian foreign policy in Asia is the development of friendly relations with the leading Asian states, primarily with China and India. The coincidence of the principled approaches of Russia and China to key issues of world politics is one of the basic pillars of regional and global stability. Russia is committed to developing mutually beneficial cooperation with China in all areas. The main task remains to bring the scale of economic cooperation in line with the level of political relations ¹⁷
2008	Russia will strengthen the Russian-Chinese strategic partnership in all areas based on the convergence of principled approaches to key issues of world politics as one of the basic components of regional and global stability. The main task in the field of bilateral relations is to bring the volume and quality of economic cooperation in line with the high level of political relations. [...] Russia shares the interest of China and India in establishing effective foreign policy and economic cooperation in the Russia – India – China trilateral format ¹⁸

¹³ Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России. 2008. 15 июля. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 05.01.2026).

¹⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.) // Гарант. 2013. 20 февраля. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения: 05.01.2026).

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 // Правительство России. 2016. 30 ноября. URL: <http://government.ru/docs/all/109255/> (дата обращения: 05.01.2026).

¹⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2023. 31 марта. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 05.01.2026).

¹⁷ Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents. (2000, June 28). *The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation*. (In Russ.) <https://docs.cntd.ru/document/901764263>

¹⁸ President of Russia. (2008, July 15). *The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation*. (In Russ.) <http://kremlin.ru/acts/news/785>

Table 2, ending

Year	Position towards China
2013	Russia will continue to build comprehensive, equal and trust-based partnership and strategic cooperation with China, and actively develop cooperation in all areas. The coincidence of the two countries' principled approaches to key issues of world politics is considered by Russia as one of the basic components of regional and global stability. On this basis, Russia will develop foreign policy cooperation with China in various areas, including the search for answers to new challenges and threats, solving acute regional and global problems, cooperation in the UN Security Council, the G20, BRICS, the East Asian Summit, the SCO and other multilateral organizations ¹⁹
2016	Russia will continue to build comprehensive, equal, trust-based partnership and strategic cooperation with the People's Republic of China, and actively develop cooperation with it in all areas. The coincidence of the principled approaches of the two states to solving key issues of world politics is considered by Russia as one of the basic components of regional and global stability. On this basis, Russia will develop foreign policy cooperation with China in various areas, including countering new challenges and threats, solving acute regional and global problems, and cooperating in international organizations and multilateral associations ²⁰
2023	"Russia aims to further strengthen its comprehensive partnership and strategic cooperation with the People's Republic of China and attaches priority to developing mutually beneficial cooperation in all areas, providing mutual assistance and strengthening coordination in the international arena in the interests of ensuring security, stability, and sustainable development at the global and regional levels both in Eurasia and in other parts of the world ²¹

Source: compiled by Kira E. Kozhukhova.

Данные таблиц позволяют зафиксировать устойчивые нарративные блоки («всеобъемлющее доверие», «стратегическое взаимодействие», «образец отношений»), которые, согласно гипотезе индексации, потенциально определяют тематическую повестку и оценочные конструкции национальных медиа-систем. Это согласуется с результатами смежных исследований: анализ публикаций *Global Times* демонстрирует последовательную трансляцию официального нарратива о России как о «рациональном партнере» (Tran Sautede et al., 2025). Изучение китайских социальных медиа выявляет доминирование официально заданного нейтрально-позитивного фрейма даже в условиях геополитической турбулентности (Rogers, Zhang, 2024). Аналогичные механизмы согласованного конструирования образа общего оппонента прослеживаются в сравнительных медиаисследованиях (Lams et al., 2023), что подтверждает теоретическую значимость доктринального слоя как источника смысловых установок.

Таким образом, реконструированная эволюция взаимных оценок создает эмпирический фундамент для понимания того, какие именно смысловые акценты задают официальную повестку. Настоящее исследование не измеряет фактическое влияние доктрин на медиаконтент, а фиксирует доктринальный фрейминг как нормативную основу, потенциально определяющую тональность и тематические рамки последующей медиарепрезентации. Полученные

¹⁹ Garant. (2013, February 20). *The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (February 12, 2013)*. (In Russ.) <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/>

²⁰ The Russian Government. (2016, November 30). *Decree of the President of the Russian Federation No. 640 dated 30.11.2016*. (In Russ.) <http://government.ru/docs/all/109255/>

²¹ Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2023, March 31). *The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (Approved by the President of the Russian Federation Vladimir V. Putin on 2023, March 31)*. (In Russ.) <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>

данные могут служить базовой матрицей для последующего контент- и дискурс-анализа национальных СМИ, позволяя четко отделить государственные смысловые установки от возможных медиаинтерпретаций или альтернативных фреймов.

Заключение

Проведенный анализ эволюции обоюдных оценок в доктринальных документах России и Китая имеет прямое значение для исследований в области политической журналистики и медиакоммуникаций. Поскольку именно эти документы служат первичным источником и нарративной основой для национальных СМИ, выявленные трансформации позволяют прогнозировать и объяснять изменения в тональности, тематической повестке и оценочных конструкциях медиатекстов, посвященных двусторонним отношениям. Тем самым работа закладывает эмпирический фундамент для последующего анализа медиарепрезентации российско-китайского взаимодействия, включая как традиционные, так и новые медиа.

Результаты проведенного исследования показывают, что декларативная обоюдная оценка России и Китая трансформировалась вместе с ходом углубления стратегического партнерства и сотрудничества двух держав. В случае Китайской Народной Республики с присущей китайскому народу прагматичностью и акцентом на углубленное взаимопонимание оценка России уходит от «сухих» партнерских отношений к декларации образцового всеобъемлющего стратегического партнерства. В случае Российской Федерации сотрудничество с Китаем всегда декларировалось как одно из важнейших направлений регионального сотрудничества и как партнерство равных, понимающих цели и интересы друг друга великих держав. Таким образом, вышестоящий анализ подтверждает, что изменения декларативных установок в официальных геостратегических документах позволяет проследить трансформацию обоюдной оценки России и Китая в ходе укрепления двусторонних отношений.

Полученные выводы создают теоретическую и эмпирическую базу для дальнейших исследований того, как именно официальные нарративы транслируются, интерпретируются и трансформируются в национальных медиасистемах двух стран.

Список литературы

- Галимзянова А.К. Регулярный обмен визитами на высшем и высоком уровне как показатель реального стратегического партнерства между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Дипломатическая служба. 2025. Т. 21. № 5(122). С. 478–486. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2505-05>
- Гао Ш., Цзя Ц. Трансформация отношений между Россией и КНР после холодной войны // Полис. Политические исследования. 2010. № 6. С. 141–148. EDN: MVPDAX
- Кожухова К.Е. Стратегическая культура во внешней политике Китайской Народной Республики : дис. ... канд. полит. наук [Место защиты: Моск. гос. лингв. ун-т]. М., 2022. 240 с.

- Козина Ю.П. Государственная и региональная безопасность: роль интеграции для обеспечения безопасности на примере ШОС // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, № 1. С. 103–109. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-103-109> EDN: TXDMHW
- Ли Ц. Образ Китая в современных российских СМИ (по материалам Национального корпуса русского языка) // Litera. 2024. № 5. С. 51–60. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.5.70692> EDN: TPFANE
- Линь Л. Стратегия поворота на Восток: эволюция и влияние на китайско-российские отношения // Власть. 2025. Т. 33, № 1. С. 15–22. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-1-15-22>
- Хабаров А.А., Чудинов А.П., Ян К. Образ Китая в российских и американских СМИ // Политическая лингвистика. 2022. № 2(92). С. 159–171. EDN: WQGBRX
- Чэнь С., Волкова И.И. Дискурсивное конструирование демографической политики Китая в СМИ Китая, России и США (2013–2024 гг.): корпусный анализ // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 3(112). С. 611–613. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2025-3112-611-613>
- Bennett, W.L. Toward a theory of Press-State Relations in the United States // Journal of Communication. 1990. Vol. 40. No. 2. P. 103–125. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1990.tb02265.x>
- Lams L., de Smaele H., de Coninck F., Lippens C., Smeyers S. Strategic Comrades? Russian and Chinese Media Representations of NATO // Europe-Asia Studies. 2023. Vol. 75. No. 5. P. 842–864. <https://doi.org/10.1080/09668136.2022.2152556>
- Miskimmon A., O’Loughlin B., Roselle L. Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order. New York: Routledge, 2013. 240p. <https://doi.org/10.4324/9781315871264>
- Priupolina E. Sino-Russian relations from the perspective of national role theory: mutual role expectations and symbolic contestation in media discourses // Communist and Post-Communist Studies. 2025. P. 1–19. <https://doi.org/10.1525/cpcs.2025.2482406>
- Rogers R., Zhang X. The Russia–Ukraine war in Chinese social media: LLM analysis yields a bias toward neutrality // Social Media + Society. 2024. Vol. 10. No. 2. <https://doi.org/10.1177/20563051241254379>
- Tran Sautele E., Mo F.V., Tang J. China and the Ukraine war: *Global Times*’ strategic narratives // Global Media and Communication. 2025. Vol. 21. No. 1. P. 1–25. <https://doi.org/10.1177/17427665251328117>

References

- Bennett, W.L. (1990). Toward a theory of Press-State Relations in the United States. *Journal of Communication*, 40(2), 103–127. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1990.tb02265.x>
- Chen, X., & Volkova, I.I. (2025). The discursive construction of China’s demographic policy in the media of China, Russia, and the United States (2013–2024): a corpus-based analysis. *Mir Nauki, Kul’tury, Obrazovaniya*, (3), 611–613. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2025-3112-611-613>
- Galimzyanova, A.K. (2025). Regular exchange of visits at the highest and high levels as an indicator of a real strategic partnership between the Russian Federation and the People’s Republic of China. *Diplomatic Service*, 21(5), 478–486. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2505-05>
- Gao, S., & Jia, C. (2010). Rebuilding the relations after the end of the cold war. *Polis. Political Studies*, (6), 141–148. (In Russ.) EDN: MVPDAX
- Khabarov, A.A., Chudinov, A.P., & Yang, K. (2022). The Image of China in Russian and American Mass Media. *Political Linguistics*, (2), 159–171. (In Russ.) EDN: WQGBRX
- Kozhukhova, K.E. (2022). *Strategic Culture in the Foreign Policy of the People’s Republic of China* [Doctoral dissertation, Moscow State Linguistic University]. Moscow. (In Russ.)

- Kozina, Yu. P. (2025). State and regional security: the role of integration to ensuring security on the example of the SCO. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 25(1), 103–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-103-109> EDN: TXDMHW
- Lams, L., de Smaele, H., de Coninck, F., Lippens, C., & Smeyers, S. (2023). Strategic Comrades? Russian and Chinese Media Representations of NATO. *Europe-Asia Studies*, 75(5), 842–864. <https://doi.org/10.1080/09668136.2022.2152556>
- Li, Q. (2024). The image of China in modern Russian media (based on materials from the National Corpus of the Russian Language). *Litera*, (5), 51–60. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.5.70692> EDN: TPFANE
- Lin, L. (2025). The strategy of pivot to the East: evolution and impact on Sino-Russian relations. *Vlast*, 33(1), 15–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-1-15-22>
- Miskimmon, A., O'Loughlin, B., & Roselle, L. (2013). *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315871264>
- Priupolina, E. (2025). Sino-Russian relations from the perspective of national role theory: mutual role expectations and symbolic contestation in media discourses. *Communist and Post-Communist Studies*, 1–19. <https://doi.org/10.1525/cpcs.2025.2482406>
- Rogers, R., & Zhang, X. (2024). The Russia–Ukraine war in Chinese social media: LLM analysis yields a bias toward neutrality. *Social Media + Society*, 10(2). <https://doi.org/10.1177/20563051241254379>
- Tran Sautede, E., Mo, F.V., & Tang, J. (2025). China and the Ukraine war: *Global Times*’ strategic narratives. *Global Media and Communication*, 21(1), 1–25. <https://doi.org/10.1177/17427665251328117>

Сведения об авторах:

Кожухова Кира Евгеньевна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Московский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38. ORCID: 0000-0002-1725-3042; SPIN-код: 3797-0157. E-mail: kira.kozhuhova@mail.ru

Проскурнова Евгения Леонидовна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры коммуникационных технологий, Московский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38; старший преподаватель, Институт медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0002-2985-7898; SPIN-код: 3522-5181. E-mail: karikh.el@gmail.com

Bio notes:

Kira E. Kozhukhova, PhD in Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Science, Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St, Moscow, 119034, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1725-3042; SPIN-code: 3797-0157. E-mail: kira.kozhuhova@mail.ru

Evgeniya L. Proskurnova, PhD in Philology, Senior Lecturer at the Department of Communication Technologies, Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St, Moscow, 119034, Russian Federation; Senior Lecturer, Institute of Media, HSE University, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2985-7898; SPIN-code: 3522-5181. E-mail: karikh.el@gmail.com